

Велосипед, который тётя купила за большие деньги, покрылся тонким слоем пыли на седле. Дело в том, что для большинства поездок я использовала старый велосипед с низким седлом — тот самый, с которого я когда-то сняла боковые колёсики и сделала двухколёсным. Но из уважения к тётиной заботе я ездила на новом, только когда отправлялась в город, а по деревне каталась на старом.

Я быстро неслась полевой дорогой, но у переулка сбавила скорость. И неприятные ощущения от подозрительного репетитора, и эти палочки, и все переживания сегодняшнего вечера — я собиралась привязать их к воздушному змею и с лёгкостью отпустить.

Велосипед, мчавшийся сквозь синюю ночь, затормозил, когда я въехала в переулок у дома Ыйджу. Тёмная улочка, где не было ни одного фонаря, ярко осветилась светом велосипедной фары. Кошка, рывшаяся в мусорном пакете, испуганно бросилась прочь — сцена была смешной, как в комиксе.

Я шла рядом с велосипедом до самых синих ворот. Мне не хотелось даже гадать, приду ли я сюда ещё раз. Коррекционные палочки должны были стать последней точкой в этой странной и поверхностной связи с мужчиной.

Когда колёса велосипеда перестали крутиться, фара, до этого освещавшая ночной путь, погасла. Я достала палочки из заднего кармана — осталось выполнить последнюю миссию. Но удача явно была не на моей стороне: синие ворота открылись. У почтового ящика, куда я собиралась тайком засунуть палочки, стоял человек. Фара велосипеда, который я в панике начала разворачивать, осветила только его верхнюю часть. Его рука равнодушно махнула, отгоняя комаров, и сунулась в почтовый ящик.

— Здравствуйте... здравствуйте.

Мужчина, который просматривал кипу счетов, просто сверяя имена, медленно перевёл взгляд. Он повернулся к источнику света, освещавшего его, и выражение его лица изменилось.

— Ян Чиён?

Голос спрашивал так, будто имя вспомнилось с опозданием, — в нём слышались равнодушие и безразличие. Его тон был настолько небрежным, что я уже подумала, не зря ли я пришла. Я решила сказать, что ошиблась улицей, и повернуть обратно. И в этот момент моя вспотевшая ладонь упустила злополучные палочки.

Мужской взгляд и мой одновременно устремились в одну точку. Причём он двигался даже быстрее. Без всяких объяснений, не зная, что именно я хотела ему подарить, моё сердце, желавшее исчезнуть словно ветер, и не подозревало, что меня запомнят как местного Хон Гильдона — немного бесшабашного, но примерного ученика, который приходит на выручку.

Мужчина уставился на подобранные палочки, а затем посмотрел на меня с выражением «что

это вообще такое?». Как раз в этот момент луна, которой больше нечем было заняться, переместилась и осветила меня. Мои щёки, покрасневшие от смущения, были выставлены на всеобщее обозрение лунными проделками. На бесстрастном лице мужчины появилась складка. Он нахмурился и внимательно посмотрел на меня.

— Э-это... моя мама просила передать.

— Твоя мама?

— Ну, она как-то видела, как вы ели... У вас были такие плохие палочки... ой, что я такое говорю?

— Чушь.

— Да, чушь. Я несу чушь. До свидания.

Внезапно я услышала его смех. Этот звук незаметно остановил меня, уже повернувшуюся к выходу. Мужчина, зажав счета под мышкой, кивнул в сторону синих ворот.

— Не хочешь поесть?

— Я?

— Ага.

С улыбкой он открыл ворота и ушёл внутрь. Я упустила момент для отказа и неловко нажала на тормоз. Решив, что зайду и как следует откажусь, я вошла следом.

— О, боже.

За время моего отсутствия в доме Ыйджу произошли небольшие, но заметные перемены. Во дворе лежали гантели, подставка для мыла и красный таз для засолки капусты, а сломавшийся свет на веранде, похоже, починили — стало в три-четыре раза светлее.

— Дом немного изменился?

Хотя вещей было немного, почему-то казалось, что стало оживлённее. Я огляделась вокруг и снова перевела взгляд на мужчину, который вынес столик с едой.

— Садись.

Его слова были короткими и резкими, но в них чувствовалась сила, которой невозможно было перечить. Я прочистила горло, сняла обувь и поднялась на веранду. Мне хотелось отвернуться с гордым видом, но состояние закусок, которые он выставил, оставляло желать лучшего.

— Что это вообще такое...

— Рис. Закуски. Кимчи?

В конце он и сам не был уверен, поэтому в голосе прозвучал вопрос. Закуски были такого цвета, что к ним страшно было притронуться, а рис, который он подал, больше походил на кашу. Позже выяснилось, что эта загадочная закуска, которую он приготовил сам, была папоротником.

Белые кристаллы на поверхности, по его словам, были солью. Словно язык у него был сделан из чугуна, мужчина наложил на рис солёный папоротник, не глядя отправил в рот ложку и принялся читать счета.

— Ну, это... слушайте.

— А?

Мужчина, все мысли которого были заняты счетами, ответил без энтузиазма. Я хотела спросить, пользуется ли он палочками, которые я купила, и варил ли суп. Но слова застряли, когда я увидела его глаза, бегающие по строчкам. Разве он не называл себя неграмотным, чтобы вызвать мою жалость?

— Слушайте.

— Ага.

— Вы же говорили, что не умеете читать.

— Ага.

— А что вы сейчас читаете?

— Счёт за электричество.

— Вы не умеете читать, но это читаете?

— Ага.

От его похожих на шутку ответов меня бросило в жар. Я опустила палочки, которые и так беспомощно торчали в воздухе.

— Вы солгали.

Он сказал, что они с Ыйджу единокровные братья, что его продали за долги, что он бросил школу, — всё, чтобы разбудить во мне сострадание. Но когда одна ложь вскрылась, остальное тоже стало вызывать сомнения. Может, он просто хотел даром получать еду?

— Сложно с буквами. Другие дети как-то учились читать, а меня никто не учил.

Его довольно спокойный голос охладил мои бурлящие подозрения. Ложка, которая до этого торопливо загребала рис, замедлилась.

— ...Но вы же ходили в школу.

— Учитель смеялся. После этого я больше не спрашивал.

То есть он читает примерно, но точно не понимает. Теперь я поняла, почему он называл себя неграмотным. На место подозрений, как прилив, нахлынула жалость. Я ела рис, зачерпывая его кончиком ложки. Если думать, что это каша, было вполне сносно.

— Можно выучить. Это не так уж сложно.

Я заметила у двери среди вещей учебник корейского. Значит, он не совсем безнадёжен в учёбе — от этой мысли мне почему-то стало легче.

Мужчина, который внимательно просмотрел все счета, доел последнюю ложку и отложил еду. Рука, опущенная под стол, достала из кармана что-то — это были те самые палочки. Он вертел подарок в руках, рассматривая его спереди и сзади, и наклонил голову.

— Как это использовать?

Наконец-то наступила тема, которую я ждала. Я отложила ложку, которой считала рисинки, и выпрямилась.

— В эту дырочку, которую вы видите, нужно вставить пальцы, как я объясняла в прошлый раз. Средний палец сюда, да, да, вот так.

— Так?

— Да! Правильно! Да!

Я объясняла с таким энтузиазмом, что рисинки разлетались в стороны. После нескольких попыток мужчина освоил правильный захват. Когда рука немного привыкла, он попробовал подцепить закуску новым способом. После того как палочки несколько раз соскользнули с тарелки, он наконец схватил папоротник. Я невольно захлопала в ладоши от восторга.

— Как здорово! Просто отлично, отлично!

Тогда он, покачивая перед глазами подхваченный папоротник, изменил взгляд. Его взгляд стал мягче и медленно, настойчиво скользил по моему смеющемуся лицу и хлопающим ладоням. Словно подчиняясь замедляющемуся ритму моих хлопков, его взгляд поднялся выше и остановился на моих глазах. Тёплое чувство вспыхнуло и исчезло. Это было так мгновенно, что я не поняла, к чему оно относилось.

— Эм, ну...

Даже я подумала, что переигрываю. Как нашкодивший ребёнок, я села, сжав колени, и выдержала его взгляд. Но когда я присмирела, мужчина потерял интерес и снова сосредоточился на закусках. Наблюдая за его гораздо более умелыми палочками, я решила намекнуть на прощание.

— Мне, наверное, пора.

— Куда?

— Домой.

Он знал, что мне, школьнице, в Чховари больше некуда идти, но всё равно спросил. Вместо того чтобы просто попрощаться, он, казалось, тянул время своим тёплым взглядом. Перейдя от захвата в кулак к чему-то более приличному, он снова попытался подцепить папоротник. Признаюсь, я смотрела на него с радостью. Даже улыбнулась, думая, что сегодня хорошо посплю.

— Ян Чиён.

Каждый раз, когда он произносил моё имя, я вздрагивала плечами, но в этот раз не смогла сдержать испуг. Сделав вид, что никаких проблем нет, я бодро ответила:

— Да?

— Научи меня читать.

— ...Что?

— Мне нужно окончить старшую школу из-за работы. Одному сложно.

Спокойно объяснив свои обстоятельства, мужчина долго смотрел мне в глаза. Его предложение, возникшее из-за одной пары палочек, было довольно неожиданным. Я планировала на сегодня разорвать все связи, поэтому не могла сразу согласиться.

Человек, который решил серьёзно взяться за учёбу, человек, изолированный от деревни... Я уже собиралась произнести «да», как перед глазами всплыло разгневанное лицо тётки.

— Нет, не получится. Я занята.

Я думала, он хоть немного расстроится, но мужчина кивнул, словно ожидал такого ответа.

— Ага, понятно.

Для нашей последней ночи прощание вышло каким-то пресным.

<http://erolate.org/book/165/122739>